

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 24-го Марта 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11322.

МИНІАТЮРЫ.

I.

Конецъ.

Мы опять бродимъ въ полѣ по желтому ковру осени. Солнце низко виситъ надъ землей, какъ большой красный цветокъ, намъ навстрѣчу стелются ломкіе, осенние лучи. Торжественно-глубокое небо и чуткая тишина надъ землей. Мы—эо я и Дина. Дина идетъ, опустивъ голову. Ея волосы отсвѣчиваются золотомъ, дрожать на вискахъ. На лицѣ лежитъ тѣнь печали, и отъ этого линія губъ такъ трогательно прекрасна, а газа такъ чисты, точно готовы уронить молитвенные слезы.

Вся скорбь увядающей природы остановилась въ твоихъ глазахъ, Дина, и когда я заглядываю въ ихъ глубину, такъ ясно чувствую тогда и холодокъ осени, и падение мертвыхъ позлащенныхъ листьевъ, и ломкие солнечные лучи.

— Любимая,—шепчу я и сжимаю ея тонкую

Членъ Государственного Совета, сенаторъ

Н. С. Таганцевъ,

(По поводу 50-лѣтия научной и общественно-государственной дѣятельности).

— Отчего же ты молчишь, Дина? Отчего молчишь?

**

Почему я люблю васъ, холодные осеннеіе дни, и тебя, хрустальчайший воздухъ, и тебя, прощальное солнце?

Потому, что родные вы моей душѣ, моей задумчивости, моимъ сомнѣніямъ. Какъ рыцарь въ честь моей дамы я ношу осеннеіе цвѣта.

Окно моей комнаты открыто. Вмѣстѣ съ холоднымъ воздухомъ льются въ него хрупкіе солнечные лучи—такъ приятно подставить руки и лицо этимъ ласково-грустнымъ поцѣлуямъ прощенія. Изъ окна я вижу рощу. Она одѣлась въ пурпуръ и золото, каждое деревцо роняетъ слезы—листья, каждое вздрагиваетъ отъ страха передъ наступающей зимой.

Звонокъ... Стучать въ дверь... Ахъ, это кто-то пришелъ ко мнѣ!

Письмо...

Мои руки дрожатъ... Я разрываю конвертъ, и на письменный столъ

Проф. Д. Н. Овсянниково-Куликовскій.

(По поводу 35-лѣтия юбилея научно-литературной дѣятельности).

Фот. А. М. Иванющаго.

руку,—отчего ты такъ печальна? Отчего твои губы уже не вздрагиваютъ больше подъ моими поцѣлуями, не теплѣютъ, не становятся алыми, какъ роза?...

Она молчитъ.

— Отъ твоей красоты, — продолжаю я,—вѣтъ скорбю, какъ отъ этихъ полей. Твои глаза точно собираются плакать, ихъ взглядъ проникаетъ въ мое сердце, какъ трауръ...

Она молчитъ.

— И твое лицо, Дина, кажется мнѣ портретомъ страшно любимой, но уже ушедшей, уже не моей, уже не живой женщины... Дина, мнѣ страшно!

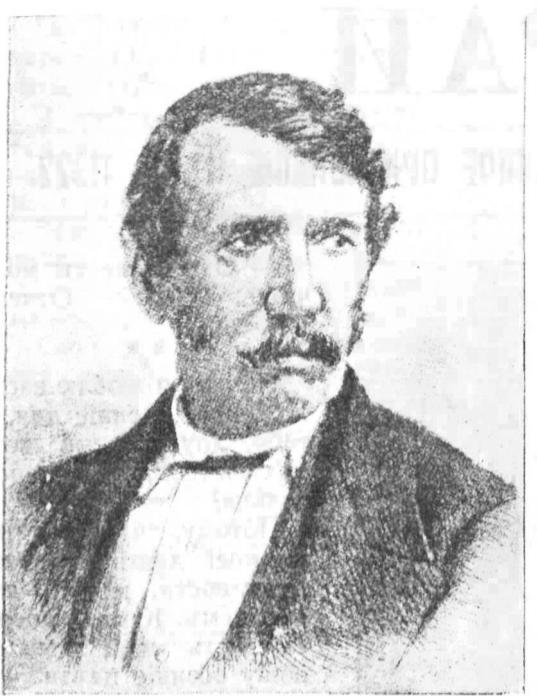
Тихо, какъ прежде.

Проф. И. А. Красускій.

избранный директоромъ харьковского техноло-
гического института.

Фот. А. М. Иванющаго.

Давид Ливингстон.
(Къ 100-лѣтию со дnia его рожденія—19 марта).

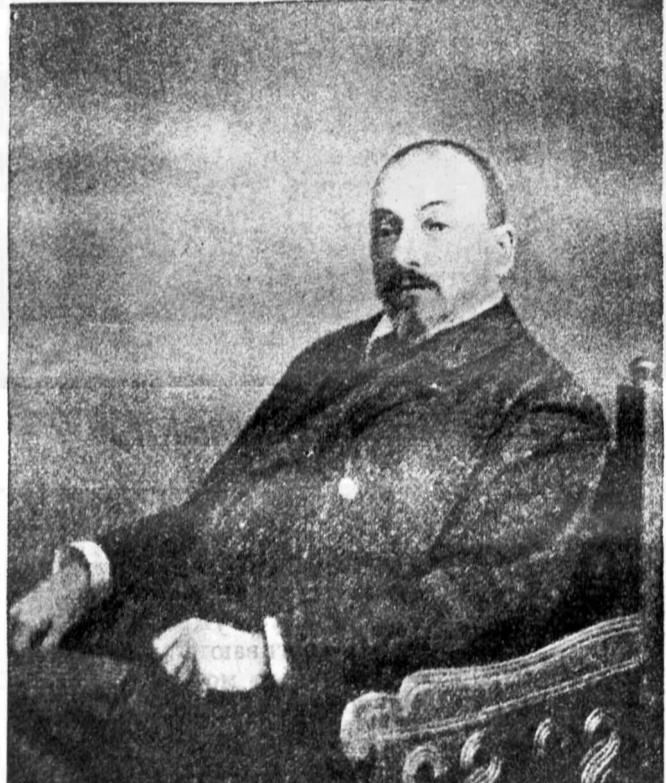
Н. А. Шаховъ,
покровитель учащейся молодежи.

Генераль-лейтенант Ивановъ,
первый, вступивший во главу болгарскихъ войскъ въ павший Адрианополь.

Вновь назначенный московский губернаторъ, въ должности егермейстера Высочайшаго Двора,
графъ Н. Л. Муравьевъ,
бывшій полтавскій губернаторъ.

Академикъ А. А. Писемскій.
(По поводу 25-лѣтия художественной дѣятельности).

падаютъ высохшія плоскія фіалки. Желтый листикъ бумаги исписанъ мелко и ервено.

Дина, родная Дина, это твои кругленькия, милая буквы!..

Читаю:

„Почему я молчала? Боже, какъ трудно, какъ болно говорить! Михаиль ты чуткій... Развѣ ты не понялъ, мой Михаиль, что наши цвѣты увяли, что наши струны оборвались... На-расно старались мы оживлять покойдѣшие поцѣлуи, напрасно повторяли уже постарѣвшія слова нѣжности, — въ сердцѣ не было любви,—только печаль обѣ ея смерти, и чужая рука искала другую чужую руку. Михаиль, не будемъ обманывать себя, не будемъ обманывать другъ друга. Прощай, моя любовь!..

щай... Унесемъ нашу грусть и наши воспоминанія.

Можетъ быть... весной, когда солнце согреѣтъ цвѣты и души, мы встрѣтимся... можетъ быть...”

Дина.

Листокъ бумаги упалъ рядомъ съ плоскими фіалками.

Ты пишешь: весной, когда солнце согреѣтъ цвѣты и души... Можетъ быть... Нѣтъ, о, нѣтъ, Дина!

Природа умираетъ каждый годъ, но для нея существуетъ радостное воскресеніе въ дни горячаго весеннаго солнца.

Для нашихъ же чувствъ, Дина, одно только неотвратимое умирание...

— Прощай, моя любовь!..

Сказка о поэте.

Поэтъ гулялъ по весеннимъ улицамъ города.

Было такъ много солнца, было такъ радостно.

Улицы кружили свой пестрый хороводъ.

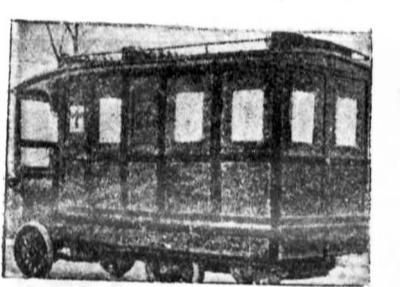
Улицы извиливались предъ глазами поэта, какъ золотые ленты.

И въ пурпурныхъ пятнахъ солнца была наряжена весенняя толпа, словно въ драгоценномъ кружево, которое пряли феи радостнымъ утромъ.

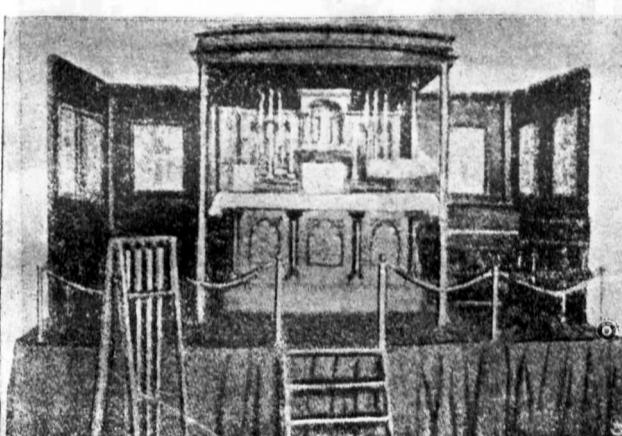
Поэтъ былъ самый настоящій поэтъ. Высокий и блѣдный, съ длинными мягкими волосами. Глубокіе ласковые глаза и улыбка довѣрия на губахъ.

Графиня Меренбергъ, вдова герцога Нассаускаго,—
дочь А. С. Пушкина, скончавшаяся въ Висбаденѣ.

Автомобиль-церковь.

Алтарь въ подвижной церкви.

утрення молитва. Твои волосы сладко пахнутъ, твои руки трепетны, какъ золотыя рыбки, и вся ты, словно богатая курильница благовоній въ осѣннемъ мраморномъ храмѣ.

Я люблю тебя; я мечтаю о тебѣ, я живу тобой.

Прошелъ юноша, стройный и крѣпкий съ мягкими каштановыми волосами, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ.

Онъ что-то напѣвалъ, и эта пѣсня была красивой и грустной.

Въ его глазахъ было восторженное выраженіе, казалось, что въ ихъ глубинѣ горятъ радостныя голубые свѣчи.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось по-эту.

И думалъ онъ

— Юноша поетъ пѣсню этой очаровательной весны, которая пробуждаетъ землю, растить цвѣты и заставляетъ сердца вздрогивать отъ сладкаго и томаго волненія. Онъ любить. Это говоритъ его лицо, его глаза, походка, всѣ движенія. Онъ влюбленъ и теперь подъ ласковымъ солнцемъ слагаетъ красивыя пѣсни своей волшебной возлюбленной. Какое счастье! Онъ опьяненъ таинственными чарами!

Принцесса Зобеида,
бывшая австрійская графиня
Терезка, супруга египетскаго
хедива, бѣжавшая изъ его га-
рема и скрывавшая со своимъ
новымъ возлюбленнымъ.

Лаже не вѣрился, говорятъ „Огонекъ“, что разгадана тайна колосального сфинкса около Каира, считывающаго одинимъ изъ древнейшихъ человѣческихъ сооружений. Гигантская фигура, высеченная изъ складовъ песчаника, и до сихъ поръ засыпанная на неизѣданной глубинѣ песками пустыни, насчитываетъ болѣе 7,000 лѣтъ существованія. Сотни разныx гипотезъ изобрѣтились относительно причина возникновенія этой величайшей скульптуры въ мірѣ. До сихъ поръ было наизѣтно, что вину сфинкса было небольшой храмъ солнца.

Но только теперь англійскій учёный Рейнеръ проникъ въ тайну языки сфинкса. Онъ предпринялъ раскопки въ головѣ сфинкса и дошелъ до подземныхъ глубинъ по пѣвой группѣ камней, виновныхъ коридоровъ. Но и здесь еще не кончилось этого лабиринта. Многочисленные ходы указываютъ на существование цѣлаго города подъ сфинксомъ.

Не найдется ли въ этомъ паротѣ вѣчной тѣмы указаній о странной жизни жрецовъ въ подземномъ за-
точениѣ.

Что хранили они здесь отъ глаза непосвященныхъ?

Итакъ, загадка, все-таки, остается. Только изъ головы сфинкса она ушла куда-то изъ присподни.

Вся вѣчная дреѣность—сплошная загадка для настѣ, и усилия историковъ слипникомъ мало освѣщаются ту-
маномъ неподвижной стариной.

1) Храмъ въ основаніи сфинкса. 2) Пирами-
дальная зала-гробница фараона Менеса. 3)
Главный храмъ съ колоннами въ туловищѣ
сфинкса. 4) Храмъ, открытый первымъ черезъ
прокопанный Рейнеромъ ходъ на мѣстѣ, указанномъ стрѣлкою (5).

Онъ мечтаетъ о дѣвушкѣ, которая для него вся волшебная, и сказка, и греза, и восторги!

И всѣ, кого встрѣчалъ поэтъ въ это солнечное утро, казались ему добрыми, благородными, прекрасными и достойными.

И много красивыхъ стиховъ и образовъ сплелись въ головѣ поэта, пока онъ гулялъ по пестрымъ радостнымъ улицамъ.

Такъ по крайней мѣрѣ, казалось поэту.

И думалъ онъ:

Милая дѣвушка, ты вся—блѣдая до-
рога къ солнцу. Ты—самый прекрасный
цвѣтокъ, ты—моя голубая герцогиня,
моя фарфоровая статуэтка, тихая

Шелъ и радовался, что увидѣть людѣй, что будетъ говорить съ ними, видѣть красивый огонь въ ихъ глазахъ.

Съвѣтъ стало ему радостно, когда у знакомыхъ онъ встрѣтилъ юношу, и дѣвушку, которыхъ встрѣчалъ дѣмъ.

Но наблюдалъ онъ ихъ, но слушалъ ихъ разговоры,—и все болѣе пустымъ становилось его сердце, приходили тяжелыя, мучительныя мысли, и было такъ болѣно, такъ стыдно.

Дѣвушка сказала:

— Весна это скучно. Зимой гораздо веселѣе вечера, балы, театры. Природа?! Но это сплошное неудобство. Въ изящной гостиной гораздо лучше и красивѣй, чѣмъ въ лѣсу. По-

крайней мѣрѣ и ботинки, и платье остаются чистыми.

А юноша съ какою то старческой важностью рассказывалъ о своихъ экзаменахъ и планахъ на будущее.

И все это было прочно, крѣпко и реально, какъ хорошо сколоченный дубовый гробъ.

Затѣмъ съ знакомыхъ поэтъ узналъ, что дѣвушка учится пѣть и поступаетъ въ оперетку, а юноша скоро женится на очень богатой, но глупой, уродливой и злой женщинѣ.

— Это влюбленный, думалъ поэтъ съ грустной улыбкой. Это—бѣлая дорога къ солнцу.

И ему хотѣлось заплакать.

Придя домой, поэтъ уничтожилъ стихи, которые написалъ утромъ. Его схватило безпросвѣтное отчаяніе.

Въ комнату постучали. Вошелъ со сѣдѣ поэта, большой скептикъ и реалистъ.

Поэтъ подѣлился съ нимъ впечатлѣніями своего дня, и, грустно улыбнувшись, скептикъ сказалъ:

— Не подходите къ людямъ такъ близко. И бросьте, не печальтесь.

Жизнь хороша тѣмъ, что вы, поэтъ, дѣлаете ее прекрасной, благородной и очаровательной!

О. Я. Орловъ,

завѣдывавшій прѣемомъ подписи въ конторѣ «Южнаго Края».

† 17-го марта.

Прекрасны люди, они — не звѣри,
Во мнѣ нѣть больше вражды и зла,
Постигъ я жизни иную долю;
Залить все рвутся любви ключи..
Какое счастье дать сердцу волю
И властно бросить уму... „молчи“!

О. М.

СМѢСЬ.

Чернымъ по бѣлому.

Французскій Le Courier du Livre со-общаетъ нѣкоторые интересные экспери-менты, которые были сдѣланы относи-тельно наиболѣе благопріятныхъ цвѣ-товыхъ сочетаній для чтенія на разгоя-ніи. Было найдено, что наибольшая раз-борчивость достигается при печатаніи чернымъ по желтому. Нисходящій поря-докъ, въ которомъ слѣдуютъ различныя цвѣтовыя комбинаціи по ихъ четкости, нѣсколько удивителенъ и представляет-ся слѣдующимъ: 1) чернымъ по жело-му; 2) зеленымъ по бѣлому; 3) краснымъ по бѣлому; 4) синимъ по бѣлому; 5) бѣ-лымъ по синему; 6) чернымъ по бѣло-му; 7) желтымъ по черному; 8) бѣлымъ по красному; 9) бѣлымъ по зеленому;

Піанистъ А. Гольденвейзеръ.

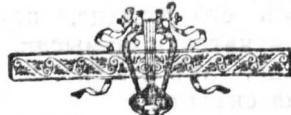
(Къ участію въ 3-мъ симфоническомъ собраніи И. Р. М. О. въ Харьковѣ, 25-го марта).

Н. С. Кленовскій,
дирижеръ и директоръ тифлісск. отд. И.Р.М.О.

— Что же вамъ нужно еще? Дѣй-ствительность! Но когда вы станете жить єю,—ваша поэзія умреть.

Ал. Станкевичъ.

Изъ забытой тетради.

Я легкомысленъ и снова молодъ;
Какъ утро мая, душа ясна;
Что мнѣ невзгоды, лишенья, голодъ?
Я живъ и счастливъ, что есть весна!
Къ чему любовь мнѣ души дѣвицы?
Она ничтожна, оча мелка;
Надъ мною солнце, со мною птицы,
И весь я — бурной любви рѣка!
Весна открыла въ душѣ всѣ двери
Дыхающемъ нѣжнымъ все унесла,

10) бѣлымъ по черному; 11) краснымъ по желтому; 12) зеленымъ по красному; 13) краснымъ по зеленому.

Интересно отметить здѣсь особенно то, говорить „Природа“, что обычная ком-бинація печати чернымъ по бѣлому по-лю является всего лишь шестой въ спискѣ.

